

На этот вопрос отвечает известный биолог, палеонтолог и популяризатор науки Александр Марков.

«Они этого не сделали по той же причине, по которой не все рыбы вышли на сушу и стали четвероногими, не все одноклеточные стали многоклеточными, не все животные стали позвоночными, не все архозавры стали птицами. По той же причине, по которой не все цветы стали ромашками, не все насекомые — муравьями, не все грибы — белыми, не все вирусы — вирусами гриппа», - пишет он в своей книге «Эволюция человека: обезьяны, кости и гены».

По мнению Александра Маркова, вышеназванный вопрос часто вообще задается в связи с тем, что находятся под властью некоего убеждения, что человеком быть лучше, чем животным, который должен каждый день путем тяжелейших усилий искать себе пищу и/или спастись от хищников.

Тем не менее, сам вопрос поставлен некорректно, так как, во-первых, предполагает, что эволюция имеет некую цель, к которой неизменно стремится. Многие полагают, что эволюция вообще всегда направлена от простого к сложному. Это не так.

Эволюционный прогресс (именно так в биологии называется движение по направлению от простого к сложному) происходит вовсе не со всеми живыми организмами, а лишь с небольшой их частью. Множество существ и растений в ходе эволюции, напротив, становятся не сложнее, а проще, и при этом процветают. Но чаще всего история жизни на нашей планете демонстрирует такую картину, когда новый вид не сменял старые, а просто добавлялся к ним, дополняя его. Например, наш вид — *Homo sapiens* — просто примкнул к приматам и другим обезьянам, а вовсе не подменил их собой.

Второе заблуждение вытекает из первого: помимо того, что люди часто полагают, что эволюция имеет некую цель, так еще и думают, что цель эта, «венiec творения», и есть человек. К несчастью для них, биология не нашла подтверждения столь самонадеянной позиции. Несмотря на то, что наше генеалогическое древо, если проследить его от одноклеточных (одноклеточные — первые животные — первые хордовые — первые рыбы — первые четвероногие — древние синапсиды — зверозубые ящеры — первые млекопитающие — плацентарные — приматы — обезьяны — человекообразные - мы), имеет вид вполне «прогрессирующий» к нам, тот же самый вид оно имеет и у дельфина, медведя или комара. И медведь, и комар, и кит, и кошка — все они являются «венцом творения» их родословной. А еще наши генеалогические деревья совпадают со всеми ними, и расходятся лишь на определенной «ветке» развития.

Разумеется, по сравнению с другими животными у нас есть более развитый мозг (хотя и это вопрос не стопроцентный, поскольку некоторые животные, например, сойки или белки, сильно превосходят нас в умении запоминать точки на местности, крыса куда быстрее нас выберется из лабиринта, а некоторые обезьяны лучше запомнят лица по фото), и наше общение является наиболее сложным (речь). Но тут хорошо бы вспомнить, что у любого вида животных есть какая-то своя «фишка», каждый обладает какой-то способностью, которая развита у него лучше, чем у всех остальных. Гепард, как известно, бегаёт быстрее всех зверей на планете. «Докажите ему, что думать и говорить важнее, чем быстро бегать. Он так не считает. Он с голоду помрет, если обменяет быстрые ноги на большой мозг», - пишет Марков. Конечно, ведь для того, чтобы использовать мозг для улучшения своей жизни, нужна культура и долгая адаптация к ней (наше детство и мучительный процесс воспитания), а кушать гепарду хочется сейчас.

Помимо нас, большим мозгом обладают также китообразные и слоны, но ведь и размеры их куда больше наших, поэтому в процентном отношении их мозг меньше мозга человека. Природа вообще редко «создавала» виды с таким большим мозгом, как у нас. Это связано, в первую очередь, с тем, что обладание таким органом очень затратно — мозгу нужны калории, не просто много, а гигантское количество. Вторым недостатком крупного мозга являются трудности родовспоможения. Именно поэтому до появления медицины у наших предков была столь высока материнская и детская смертность при родах. В связи с этим «детеныши» *Homo sapiens* рождаются в буквальном смысле недоношенными и требуют долгого периода ухода. «А главное, - как пишет Александр Владимирович, - есть множество способов прекрасно прожить и без большого мозга, чему свидетельством является живая природа вокруг нас». Для того чтобы наш мозг стал стремительно увеличиваться в размерах, необходимо было стечение каких-то очень удачных обстоятельств. Каких именно — наука пытается узнать до сих пор (хотя множество вполне правдоподобных и всем известных гипотез, разумеется, существуют).

С. Т. С. Р. О. П. О. В. Е